

Борис ЛЕЙБОВ

НЕ СЕСТРА МАЙКЛА

Рассказ

– Она поживет в моей комнате, – говорит мне Майкл. – Только води себя прилично, ей восемнадцать.

Ей восемнадцать. Мне два дня как двадцать один. Позавчера звонила бабушка, а я был с похмелья. С того самого, когда в ушах звон. Той весной, как помнится сейчас, каждое утро было таким. А если оно было другим, значит его не было вовсе. Значит я спал до вечера.

Майкл и я первыми съехали из общежития. Целое лето мыли посуду по ночам в ресторане. Я раза три сильно обжегся о сковороду и раз семь не сильно. А подуть некому было. Девушка моя меня бросила и вышла замуж за рыжего учителя. А мама жила далеко, в Москве. Но зато появились деньги. Появились к весне, и мы с Майклом сняли двухкомнатную квартиру в викторианском доме, с высокими потолками и эркерным окном в ботанический сад. Я не умел еще мечтать дальше новых кроссовок и отдельного жилья – и вот, к своему двадцать первому дню рождения, стал наполовину счастлив. И звонит бабушка (тоже из Москвы) и поздравляет.

– Двадцать один год, Боря, двадцать первого апреля бывает только один раз в жизни. Поздравляем тебя с дедушкой...

Я стоял спиной к окну, принимал поздравления и разглядывал незнакомца, похожего на потрепанного пирами Вакха. Слюна стекала по его розовой щеке и исчезала в рыжем пышном бакенбарде.

– Двадцать два года тоже будет только раз в жизни двадцать первого апреля. И двадцать три. Но спасибо, бабуль.

– Але! Але! Боря, я не слышу тебя.

– Спасибо, бабуль! Спасибо!

– Леня! Леня! Он ничего не слышит.

Нас рассоединили.

Я толкнул незнакомца. В ушах стоял чудовищный звон, как будто я в Сергиевом Посаде на Пасху. Я толкнул его еще раз, но сильнее.

– А? Что? – толстяк оглянулся и испуганно присел.

– Ты часом не учитель? – спросил я.

Еще я был страшно обижен на жизнь в тот момент. За те два шага от окна до него я наступил на разбитый стакан и уже предвидел кровь на ковре, но вниз не смотрел – мешал звон. В свое оправдание скажу, что не мудрено было заподозрить неладное. Девушка ушла к рыжему. Этот тоже рыжий. Чай не в Ирландии. Друг – он.

Борис Лейбов родился в 1983 году в Москве. Окончил Высшие кинематографические сценарные курсы (мастерская Олега Дормана и Ларисы Голубкиной). Изучал социологию в Университете Глазго. Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Иерусалимский журнал». Финалист премии им. М. Алданова. Лауреат конкурса Stars Up и Второго международного конкурса «Новый взгляд» за сценарий короткометражного фильма «Бабушка». Автор романов «Лилиенблюм» и «Дорогобуж», сборника «В высокой траве». Живет в Тель-Авиве.

Бедняга осмотрел меня с ног до головы и внезапно затосковал, о чем-то вечном и не насущном, далеко как луг.

– Никакой я не учитель. Отъебись от меня.

Ему на вырчку пришел Майкл в банном халате.

– Эй, эй! Это мой племянник. Чего доебался.

Они спешно собирались.

– Разберись с этим, – Майкл указал мне на ступню. Она болела, но я еще не набрался мужества посмотреть и еще только думал, что с ней буду делать. Что я со всей этой жизнью буду делать?

Они ушли и не возвращались два дня. Я тоже ушел. Но вернулся через два часа. Путь от травмпункта до дома пролегал через «Тэско» – это такой рай для студентов и иммигрантов, где почти все стоит меньше фунта. А так как в двадцать один я был и студентом и иммигрантом, я зашел и на пятерку вынес упаковку белых банок пива (на них не было этикетки) и еще какого-то хлеба и чеддера. Да! Я всегда брал оранжевый чеддер, потому что в душе был дворянином.

Парочка вернулась через два дня, как обещали. Хотя нет. Они ничего не обещали. Просто вернулись и долго гремели в прихожей. Затем наследили. Здорово так, поверх прежней засохшей грязи. Забрали Майкловы деньги и собирались было уйти опять, но в дверях остановились. Майкл постучал в мою дверь. Он был настоящим джентльменом. И вошел, не дождавшись моего «да». Ну, значит, не настолько настоящим.

– Меня не будет пару дней.

Я кивнул. Я был очень мрачным в тот день и молчал. Весь мир и без моего голоса звенел и побрякивал. Клянусь, у моих нервов, похоже, завелся собственный звонарь той весной. По моему Майкл хотел сказать свое обыкновенное «пригляди тут за всем», но обвел мою комнату взглядом и не сказал ничего.

Он ушел, но вернулся еще раз, как раз сказать мне о Мэри. Она приезжала из какого-то далекого Невыносимска. Очередная родственница родственника.

– Она поживет в моей комнате, – говорит он мне. – Только води себя прилично, ей восемнадцать.

И ушел совсем. Ну восемнадцать и восемнадцать. Мне вообще-то всего двадцать один. Я повернулся на правый бок, чтобы продолжить лежание и раздумывание своей тяжелой мысли. На левом я стараюсь не лежать. Как-то бабушка мне сказала, что так я раздавлю ребрами сердце. А оно у меня и так порядком раздавлено. Чертов учитель... Так я лежал и мучился, а комната гасла, пока совсем не стемнело, и только тогда я заснул, и во сне все так же переживал о чертовом учителе. Я был уверен, что он непременно щекочет ее своей проклятушкой рыжей бородой там, где только я планировал ее щекотать своей жалкой щетиной.

Когда я снова открыл глаза, в спальне горел тихий свет ночника, а в вельветовом кресле сидела девушка. Она была в синих джинсах, синем свитере, белых кроссовках и в веснушках. Ничего запоминающегося, кроме кроссовок. Вот бы мне такие. Только сорок шестого размера.

– Привет, – и улыбается, улыбается, как улыбаются только здоровые. – Майкл сказал, ты мне город покажешь, а ты спишь и спишь.

– Мэри, верно? – я всегда сплю в одежде, меня врасплох не застать.

– Да. Верно. Догадливый.

– А куда же мы пойдем, Мэри? На улице ночь.

– Время восемь. И мы пойдем в паб.

Восемь? Какого черта. Ведь весна уже. Хотя весна от зимы в Шотландии отличается только тем, что льет на один день в месяц меньше и небо выходит из-за серых штор, ну допустим, на полтора часа в день, а не на час, и то только до обеда.

– Ну пойдем.

И я был рад, что пошел. С самого двадцатиоднолетия звон в ушах поубавился, но он уступил ржавым мыслям о рыжем человеке, обокравшем меня на одну женщину. Я пошарил в тумбочке

Майкла, одолжил десять фунтов (восемь пинт пива со студенческим билетом), запахнул пальто и взял Мэри под руку.

Знакомых в пабе оказалось больше, чем незнакомых. То один обнимет, то другая навалится. Историк тот и вовсе потрепал меня за ухо.

– Вот ты где пропадаешь. А что за чаровница с тобой?

Ух, старый пес, твое счастье, что не рыжий.

Мэри смотрела по сторонам во все глаза. Ее волновало все: готический свод потолка, плотный табачный туман в туалетах, костяной стук бильярдных шаров за стеной, взрослые. Она не умолкала. А лучше бы пила, ведь из восьми аккредитованных пинт она пила вторую, а я пятую. А еще кто-нибудь постоянно угощал, присаживаясь с протяжным восклицанием: «О! О! О!» – и так же скоро уходил, обнаружив следующее знакомое лицо.

– А на какую тему ты пишешь?

– Органическая солидарность общества в военный период.

– Дашь почитать?

– Да.

А она хорошенькая. Даже очень. Совсем даже хорошенькая. Господи, до чего же она хорошенькая... Милая Мэри...

– Покажешь мне завтра кампус? Мне нужна кафедра биологии.

– Будешь поступать к нам?

– Ты смешной.

– Да? – и мои брови, видимо, взлетают, собирая лоб в гармошку, – подвижное лицо, первый жаворонок опьянения.

– Да, – смеется. – Ты в третий раз спрашиваешь.

– Мэри, а пойдем домой? Мне, кажется, уже хватит. А одну я тебя здесь не оставлю.

– Это почему? – дует. Мило дует.

– Потому что твой брат Майкл снимет с меня голову. Он сказал, что ты школьница и что тебе семнадцать.

Сработает – нет?

– Мне восемнадцать, – возмущается Мэри.

Сработало.

И уже на улице, под ливнем, жмет под зонт и продолжает:

– Да он мне не брат, он брат моего дяди, который со стороны мамы...

А я ничего не слышу, потому что не слушаю. Черные кэбы гоняют по асфальту лужи. Автомобили горбаты и плавны, как киты. А ночь пахнет океаном, которого не видно, но он там, и я машу в его сторону рукой как сумасшедший – там, за лесом... Лучше, чем сейчас, не будет никогда, думаю я и веду в дом девушку походкой моряка. Пьянство – светлый полустанок между звоном в ушах и тяжелыми мыслями, которые бросятся пожирать меня, мои кишки и мое сердце, как только пройдет этот счастливый взлет качелей.

– И я не школьница! – подытожила она и первая начала целоваться. Поцелуй начался под большим раскидистым дубом, который рос по ту сторону паркового забора. А мы были по эту. Он начался под ветками и оборвался через три переулка у подъезда. Его вспугнул поиск ключей.

Поначалу все происходил неловко и обыкновенно. Я упал, пытаюсь стянуть штанину. Она подняла меня. Ударился больной ногой о невидимое в черной комнате. Долго щупал обои в поисках выключателя. А еще я страшно переживал, что буду ее первым, но бог ты мой, как я плохо знал деревенских. А она бывала в разных переделках, – думал я, уже глядя на нее снизу вверх. Волосы ее оказались длинными, прямыми и светлыми. Они чуть взлетали и опадали, сходясь, как волны, и пряча ее лицо. Прятали, и показывали, и прятали. А она смотрела прямо в стену, не на меня. Это я запомнил. Еще запомнил запах ее волос. Она явно сожгла их феном. Недавно. А потом мы, обнявшись, уснули, но только она.

Я все же отполз – у Майкла в тумбочке водился аварийный коньяк, и еще я не могу спать совместно, к кому бы то ни было прилипнув. Сон – дело частное. Тут или прилпать, или спать. Что-то одно.

Под утро она распахала меня.

– Опять, – я продрал глаза, – опять, привет, я Мэри, и мы пойдем в паб.

Она рассмеялась. Я лежал на диване в гостиной, изменив своим правилам, – спал голый. Было темно. Это такой в Шотландии рассвет. Он угадывается только в птичьем пении и соседской предрабочей возне этажом выше.

– Я хочу курить, – она тоже была голой.

– Я тоже. Вчера все скурили.

– Хочу, – и она топнула ножкой.

– Осторожно, там стекло.

– Какое стекло? – и она легла рядом, чему мы оказались очень рады.

– Курить! – она капризничала и водила по моему животу пальцем.

– Мэри, все закрыто.

– А бензоколонка?

Да откуда она все знает? Ей всего-то восемнадцать!

– Мэри, я не попрусь в дождь. До ближайшей больше мили...

– Нет, не попрусь. Ты побежишь!

Я присел и подпер бровями лоб. Ну как я умею.

– Достанешь сигареты. Не заставляю тащиться со мной в университет. – Я не был впечатлен. – А еще я тебе дам в... – в этом месте за окном громко прокричал жаворонок или дрозд. – «Данхилл»! – она кричала мне вслед, но я не обернулся.

Я бежал. Бежал как ручей. Позабыв о порезанной стопе. Себе я казался значком старой «Волги». Такой же изящный. Отлитый. Стальной. Никогда прежде я так быстро не бежал. Ни за, ни от. И никогда больше не побегу. Это я знал наверняка. А больше я не знал ничего.